

— Мама, ты извиняешься передо мной? — Саньва безучастно смотрел на свою мать.

— Мама совершила ошибку, поэтому, конечно, мне нужно извиниться. Неважно, взрослый человек или ребенок, это одно и то же. Если человек не прав, у него должно хватить смелости признать свою ошибку и извиниться, — кивнула Линь Цинхэ.

— Тогда я прощаю тебя, мама, — заявил Саньва, глядя на мать яркими глазами.

— Тогда спасибо тебе, Саньва, — Линь Цинхэ посмотрела на него и продолжила: — Раз тебе не нравится пить молоко, тогда не пей его.

— Правда? — глаза Саньва загорелись.

— Правда, — подтвердила Линь Цинхэ.

— Я не хочу пить молоко, но я хочу есть молочные булочки, — Саньва наблюдал за реакцией матери, пока говорил.

— Конечно.

Линь Цинхэ внутренне сказала: «Молочные булочки были сделаны специально, чтобы мучить тебя, но неожиданно оказалось, что они тебе очень нравятся».

Саньва был в восторге. Весь день он не отходил от матери и даже не выходил на улицу играть.

На следующее утро Линь Цинхэ вскипятила молоко, а потом добавила в одну часть молока немного каменного сахара.

— Мама, ты же сказала, что не будешь меня заставлять, — Саньва с горечью посмотрел на молоко перед собой и сердито взглянул на мать.

— Попробуй, — Линь Цинхэ протянула ему ложку.

Саньва посмотрел на мать и сделал глоток. После этого он удивленно моргнул:

— Сладко?

— Я добавила немного сахара для тебя. Теперь ты будешь пить? Если не хочешь, я могу отдать молоко твоему отцу, — сказала Линь Цинхэ.

— Я выпью и попробую еще раз, — быстро сказал Саньва.

Линь Цинхэ передала ему чашку, и Саньва выпил сам.

Если говорить о степени сладости, то она была невелика. В молоко было добавлено совсем немного каменного сахара. Тем не менее сладость хорошо чувствовалась. С таким небольшим намеком на сладость, молоко было очень вкусным.

Саньва сразу же влюбился в этот напиток. Есть булочки со сладким молоком было таким удовольствием. Куда делись прежнее нежелание и горечь?

Увидев его таким, Линь Цинхэ внутренне усмехнулась. Она подумала: «Я еще могу разобраться с ним, не так ли?»

— Мама, я хочу, чтобы у меня тоже был сахар, — с завистью сказал Эрва.

— Саньва не боится кариеса. Если ты не хочешь, чтобы у тебя, как у него, был кариес, можешь добавить сахар, — взглянула на сына Линь Цинхэ.

Эрва внутренне закричал, что он действительно не боялся кариеса, но, увидев взгляд матери, понял, что если будет продолжать в том же духе, то и молоко он больше не получит.

Поэтому он послушно выпил свою порцию.

Чистое молоко превратилось в сладкое, и Саньва полюбил его пить. После того как он допил полчашки молока, он все еще был немного недоволен.

Линь Цинхэ не обращала на него внимания. Главное, что он наконец выпил молоко.

Отец Чжоу и мать Чжоу увидели другую сторону жены четвертого.

Хотя она казалась суровой, на самом деле она баловала детей. Если им не нравилось пить чистое молоко, она могла добавить в него сахар. Другие дети в деревне вообще никогда не пробовали молоко.

Булочки, которые готовила Линь Цинхэ, были из кукурузной муки. Молока было мало, поэтому после первого эксперимента с молочными булочками девушка больше не стала их готовить. Потому что она покупала молоко для своих детей, чтобы они пили.

Нет нужды говорить об уважении к отцу Чжоу и матери Чжоу, но даже Линь Цинхэ и Чжоу Цинбай не получили своей доли молока.

После летнего сбора урожая прошло совсем немного времени, и наступил праздник Середины осени.

В прошлый раз Линь Цинхэ полагалась на летний урожай, чтобы продать много зерна.

Матушка Чжоу тогда немного поинтересовалась этим, и Линь Цинхэ сказала ей, что обменяла у кого-то талоны на мясо.

Матушка Чжоу поняла, что девушка сделала с зерном. Она ничего не сказала, только напонила, чтобы та была осторожна.

Не то чтобы мать Чжоу не понимала, что происходит. В конце концов, дома всегда было мясо. Да и легко ли было купить мясо в наши дни?

Так что она подсознательно определила причины этого.

Поскольку мать Чжоу больше ни о чем не спрашивала, Линь Цинхэ продала более пятисот цзиней зерна и заработала целое состояние.

В это время еду было очень легко продать, поэтому девушке не нужно было беспокоиться о том, что она никому не нужна.

Линь Цинхэ сама купила более трехсот цзиней зерна в своей общине. Остальные двести она попросила купить для нее третьего брата Линь. После этого он незаметно вынес их и передал ей.

Третий брат Линь просто подумал, что его сестре не хватает еды, поэтому она сказала ему купить немного в его общине, и не стал долго раздумывать над этим.

Она попросила его помочь купить — он просто помог, не задавая лишних вопросов.

Хотя у третьей невестки Линь была смутная идея об этом, но она ничего не сказала. Помощь, которую оказала эта золовка ее семье, она запомнила на всю жизнь.

Без этой третьей золовки она и три ее дочери сейчас жили бы в доме старой семьи Линь, и их бы сторонились. Как бы она могла так просто уйти от них?

После переезда она почувствовала, что небо над головой действительно прояснилось.

С появлением третьего брата Линь, Линь Цинхэ, естественно, могла зарабатывать больше денег.

Цена за цзинь зерна на черном рынке поднялась до 15 фыней. Если у человека не было талонов на еду, он мог купить зерно, если у него были деньги.

Один цзинь стоил 15 фыней, десять цзиней — полтора юаня, то есть сто цзиней стоили пятнадцать юаней. На пятистах цзинях зерна Линь Цинхэ заработала почти восемьдесят юаней во время летнего сбора урожая.

И это только за счет летнего урожая. Если бы дело дошло до осеннего урожая, и все зерно созрело, то можно было бы собрать еще больше зерна!

Однако в этом году Линь Цинхэ решила рискнуть. В предыдущие годы в конце дня ее останавливали на двухсот цзинях.

Во время праздника Середины осени в августе Линь Цинхэ пришла посмотреть, нет ли лунных пирожных.

Однако в это время лунные пирожные были довольно редки в кооперативах спроса и предложения, и вкус их был не слишком хорош. По крайней мере, для Линь Цинхэ, которая ела их в будущем.

Вкус был несравним с более поздними поколениями.

Но это не мешало людям желать этих пирожных в это время. Ее мальчики любили их есть.

Линь Цинхэ не смогла купить пирожные сразу после приезда. Но встретила знакомую продавщицу, Шэнь Юй, которая ранее просила познакомить ее с кем-нибудь для создания семьи. Она позвала Линь Цинхэ зайти внутрь и поговорить.

Затем Шэнь Юй дала Линь Цинхэ цзинь лунных пирожных:

— Я оставила это для себя. Если хочешь, я отдам тебе.

— Оставь себе, я не могу взять твое. Забирай и ешь сама, — улыбнулась Линь Цинхэ.

— У меня есть еще цзинь, — с улыбкой ответила Шэнь Юй.

Линь Цинхэ поняла, что это было специально отложено для создания межличностных контактов.

В прошлый раз Шэнь Юй хотела, чтобы Линь Цинхэ представила ее кому-нибудь, и та упомянула об этом Чжоу Цинбаю. Чжоу Цинбай не был заинтересован в том, чтобы играть сваху, но поскольку его жена заговорила об этом, Чжоу Цинбай сказал несколько слов, когда пошел к своему товарищу.

Его товарищ был женат, однако у него было много подчиненных.

Поэтому Линь Цинхэ договорилась о дне и познакомила одного из подчиненных с Шэнь Юй. Молодой человек работал в полицейском участке, имел очень хорошие корни и был красив.

В настоящее время между ними завязались близкие отношения. Шэнь Юй, естественно, хотела отблагодарить за это сваху Линь Цинхэ.

В прошлый раз она подарила Линь Цинхэ красный конверт, но Линь Цинхэ не приняла его.

Однако Шэнь Юй всегда чувствовала, что должна отплатить Линь Цинхэ. Каждый раз, когда Линь Цинхэ приходила, а Шэнь Юй была на работе, она использовала свои связи, чтобы помочь Линь Цинхэ достать вещи, даже если это было ей не нужно.

Лунные пирожные в этот раз были как раз из таких вещей.

Линь Цинхэ не стала стесняться, услышав ее слова.

Другие были недовольны тем, что Линь Цинхэ получила пирожные:

— Она пришла позже, почему у нее есть, а у нас нет?

— О, брат. Не отчитывай меня. Я заказала их несколько дней назад. Мои дети уже ждут, когда же я вернусь и угощу их этими пирожными, — объяснила Линь Цинхэ.